

ДИКАЯ ВЕДЬМА

Читайте в серии:

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

ПОСЛАНИЕ СОКОЛА

МЕСТЬ КИМЕРЫ

ДИКАЯ ВЕДЬМА

ПОСЛАНИЕ СОКОЛА

ЛИНЕ
КОБЕРБЁЛЬ

Москва
2017

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44
К55

Lene Kaaberbøl
VIRDIANS BLOD

© Lene Kaaberbøl, Copenhagen 2011
Published by agreement with Lars Ringhof Agency ApS,
Copenhagen

Кобербёлъ, Лине.

К55 Послание сокола / Лине Кобербёлъ ; [пер. с дат.
Е. Красновой]. — Москва : Эксмо, 2017. — 192 с. —
(Дикая ведьма).

ISBN 978-5-699-91712-9

Если ты дикая ведьма, нет ничего удивительного в том, что записки тебе приносят звери и птицы. Так что, прочтя послание, переданное соколом, Клара спокойно отправилась на встречу с подружкой... и оказалась в самом центре странных и опасных событий. Теперь от того, сумеет ли она проявить смелость и мужество, зависят жизни её друзей. И её собственная жизнь.

Вторая книга серии «Дикая ведьма».

УДК 821.113.4-312.9-053.6
ББК 84(4Дан)-44

© Краснова Е., перевод на русский язык,
2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-91712-9

⊕ Глава 1

Сокол

Ну что, нравится? — спросил отец, насторожённо поглядывая на меня.

— Конечно, нравится, — соврала я. — Всё отлично!

Комната оказалась просторнее, чем в маминой квартире на улице Меркурия, белоснежные стены всё ещё пахли акриловой краской. Одна стена была целиком из стекла, в ней располагалась дверь на балкон, и, если хорошо присмотреться, можно было разглядеть полоску воды между кранами в порту. Мои вещи, перевезённые из старого папиного дома, лежали в оранжевых картонных коробках на купленной им для меня кровати.

Папа устроился на новую работу. Теперь он будет жить не в другом конце страны — в старинном доме на две семьи, с белыми оштукатуренными стенами, черепичной крышей и яблоневым садом, заросшим травой, — а здесь, в новёхонькой, наверняка ужасно

дорогой квартире в новом квартале у порта, в пятнадцати минутах езды на восемнадцатом автобусе от улицы Меркурия. И он ужасно рад, говорит он, что сможет проводить со мной больше времени, чем раньше.

«Раньше», то есть в последние девять лет моей жизни, у нас было заведено так: я приезжала к нему на две недели летом, во время каникул, на неделю — в рождественские каникулы, проводила у него половину пасхальных каникул и два раза ездила на выходные осенью. Прошлой осенью получились, правда, всего одни выходные из-за всей этой истории с Кимерой, котом и тётёй Исой, которой пришлось научить меня тому, что она называет «Самозащита для диких ведьм, урок первый». О чём папа вообще-то даже ничего не подозревает. Он, как и все остальные, думает, что я просто несколько недель болела кошачьей лихорадкой.

За исключением того случая, всё шло своим чередом, и мне очень нравилось проводить каникулы в старинном доме. Я играла с Мике и Сарой, которые жили по соседству, а папа брал выходные, чтобы ходить со мной в бассейн, печь не очень-то получавшиеся у нас булочки, играть в кости, делать попкорн и смотреть кучу старых фильмов. Он был очень, очень хорошим каникулярным папой.

И вот теперь он каникулярным папой больше не будет. Половину его дома на Каштановой улице продали, а значит, не будет больше весёлых дней в компании Мике и Сары, не будет больше прятков между

кустами красной смородины, не будет какао во время грозы, когда мы садились перед печкой, а дождь хлестал по красной черепичной крыше и выливался на террасу — потоки воды всегда переливались через край жёлоба.

Он был так рад, что мы сможем чаще видаться, да и я тоже была рада. Я понимала, как это хорошо, что можно будет заглянуть к нему как-нибудь вечером на неделе, а не ждать следующей встречи месяцами. Но всё-таки было такое смутное чувство, что кто-то взял и продал мой загородный дом, не спросив меня.

— Вечером на балконе солнце, — заметил он, открыв дверь. — Летом мы тут сможем делать гриль.

Стоял февраль, и было дико холодно. Особого желания усесться у гриля как-то не возникало. Новые жалюзи хлопали на ветру, в комнату проник запах дизельного выхлопа, смолы и морской воды. И тут вдруг словно ракета упала с неба — ракета в оперении, которая, перескочив через ограждение балкона, влетела прямо в открытую дверь.

— Что такое... — выдавил из себя ошарашенный папа.

Это была хищная птица, на самом деле не очень большая, но в комнате, на фоне белых стен, она казалась огромной. Затормозив, она распушила хвостовые перья, светлые с угольно-чёрными концами, на мгновение застыла, трепеща крыльями, и потом спикировала прямо на меня. Я инстинктивно протянула руку, и она немного неуклюже приземлилась на моё запястье. Жёлтые когти вцепились в рукав свитера

и царапнули кожу. Птица захлопала пятнистыми крыльями, пытаясь удержать равновесие.

Удавалось ей это с трудом, потому что между когтей у неё был зажат какой-то предмет. Свёрнутый листок бумаги, который она явно и настойчиво пыталась мне всучить. Птица несколько раз громко крикнула, и я взяла у неё этот листок, потому что не было никаких сомнений, что именно этого она и хотела. Как только я выполнила её желание, она расправила крылья и вылетела через балконную дверь.

— Вот это да... — Папа стоял открыв рот и провожал птицу взглядом. — Это же сокол!

Я быстро засунула листок в карман джинсов, а папа в это время смотрел вслед птице.

— Их в городе много развелось, — сообщила я, стараясь говорить совершенно естественно, как будто нет ничего необычного в том, что птица залетает в комнату к людям.

— Да... но... его, наверное, кто-то приручил. На нём было кольцо?

— Может, и было, — пожала плечами я. — Я как-то не успела разглядеть.

Я несколько не сомневалась, что это была дикая птица, которую никто никогда не приручал, не дрессировал и не окольцовывал, но промолчала.

— Невероятно, — сказал отец. — Никогда бы не подумал, что посреди большого города можно оказаться так близко к природе.

Тут он вдруг посмотрел на мою руку.

— Ну ничего себе, Клара! — воскликнул он. — Он же тебя расцарапал!

Я посмотрела на руку. Да, действительно расцарапал. Из глубокой ранки сочились капельки крови и стекали по ладони.

Расцарапал он меня не сильно, но всё равно у меня возникло какое-то странное гнетущее чувство. Я не могла не вспомнить, что именно так всё начиналось прошлой осенью — дикое животное, четыре царапины от кошачьих когтей и несколько капель горячей алой крови дождливым утром, когда мне на самом деле, следовало бы сидеть на уроках. Я и сейчас так ясно ощущала вес кошачьего тела и влажный шершавый язык, слизывающий капельки крови.

Тогда мы с Котом и познакомились. Теперь он по большей части жил у нас на улице Меркурия и хотя полностью контролировал меня и все мои дела и никогда не упускал возможности показать мне, кто кому хозяин (догадайтесь, что он думал на этот счёт), он всё-таки по-прежнему жил своей жизнью. Я редко представляла себе, где он находится — если только он не лежал, тихо урча, у моих ног.

Соседям мы говорили, что это норвежский лесной кот и поэтому он таких громадных размеров.

— Наверное, надо промыть ранку? — сказал отец. — Тебе осенью делали прививку от столбняка?

— Делали, — кивнула я и послушно пошла в ванную, чтобы подставить руку под струю холодной воды. Наклонившись над раковиной, я посмотрела на своё отражение в зеркале. Четыре вертикальных шрама,

оставленных когтями кота, обычно выглядели как почти незаметные тоненькие полоски. Теперь, как мне показалось, они стали отчётливо видны.

— А в этой квартире можно держать кота? — спросила я.

Папа ответил не сразу.

— Не то чтобы... — ответил он. — Но если ты хочешь — как ты там его называешь? Просто Кот?

— Да, — ответила я. Я прекрасно понимала, что такое имя демонстрирует абсолютное отсутствие воображения, но только оно одно и подходило к его своевольной натуре и чёрной пушистой шкуре.

— Если ты хочешь брать его с собой сюда, надо просто раздобыть для него кошачью переноску, поставить туалет и не выпускать его из квартиры — тогда нет проблем.

Кот в переноске? Только когда в аду пойдёт снег, подумала я. Что я, совсем, что ли, ему такое предлагать?

Кровь быстро остановилась. Сокол действительно изо всех сил старался не оцарапать меня — иначе остались бы глубокие раны от всех когтей. Но ему было нелегко — пришлось приземляться на одну ногу.

— Больно?

— Нет, — ответила я. — Не очень.

— Я приготовлю какао, — предложил отец. — А ты пока распакуй свои вещи. Тогда тут будет уютнее...

Он, конечно, чувствовал, что на самом деле комната мне не очень нравится. Он ведь не дурак. Во

всяком случае, редко бывает дураком. Положив руку мне на голову, он ласково погладил мои волосы.

— Всё будет хорошо, — сказал он.

Я выждала, пока он не начал звякать посудой на сверкающей белой кухне. Потом достала из кармана листок и развернула его.

Прописными буквами на нём было написано

ПАРК ЭЛЬФОВ

А ниже:

Завтра. За час до захода солнца. Северная тропа, третья скамейка от ворот.

А ещё ниже пририсована голова маленького животного, по-видимому, домашнего хорька.

Письмо было не от тёти Исы, как я сначала подумала. Но оно могло быть только от дикой ведьмы — кто же ещё станет использовать сокола в качестве почтальона? И я была знакома лишь с одной дикой ведьмой, другом которой был хорёк.

Почему Шаная захотела встретиться со мной? Она не из тех, кто любит просто поболтать с подружками. Наверное, у неё ко мне серьёзное дело.

Шаная

-0на должна быть где-то здесь, — сказала я, в очередной раз разглядывая уже порядком скомканную записку. Там, где птица держала её в когтях, до сих пор виднелся след. «За час до захода солнца. Северная тропа, третья скамейка от ворот».

— А мы не слишком рано пришли? — предположил Оскар, остановившись, чтобы Плюшик мог поднять лапку у куста барбариса. — Или, может, слишком поздно? Почему бы ей просто не написать «в четверть шестого», как все нормальные люди пишут? Если, конечно, она имела в виду это время...

— Потому что она дикая ведьма, — объяснила я. — Для неё важно природное время, а не какие-то там часы.

Но он, конечно, был прав — не очень-то просто так вот взять и определить, когда на самом деле должно садиться солнце в этот зимний день в начале февраля.

Парк эльфов был не самым приятным местом. Он приютился между железной дорогой, старым мясным рынком и садовыми участками, и хотя летом он мог похвастаться несколькими высокими зелёными деревьями и редкими загорающими на лужайке, всё здесь казалось довольно неухоженным и заброшенным. На дорожках и на пожухлой траве валялись пакеты из «Макдоналдса», коробки из-под пиццы и пустые пивные бутылки, и хотя коммунальные службы и предприняли робкую попытку собрать кое-какой мусор в чёрные пластиковые мешки, общего впечатления это не меняло — пока мешки ещё не увезли и они валялись за скамейками.

— Тут ни души, — констатировал Оскар. — Может, пойдём домой?

— Ты сам захотел пойти со мной, — сказала я. — Тебе обязательно надо было увидеть настоящую дикую ведьму.

— Да, это было бы суперкруто. Но тут ведь нет никакой дикой ведьмы? Ну, конечно, если не считать тебя.

— А я, конечно, не в счёт..

— Прекрати, ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Я ещё раз посмотрела на скамейку, которая могла считаться третьей от ворот, но на ней по-прежнему никого не было. Не знаю, что я себе представляла. Может, я думала, что Шаная возникнет из серого февральского воздуха, стоит мне только на минуту отвернуться. Но ничего такого не произошло.

— Давай ещё раз тут всё обойдём, — сказала я. — Ну так, на всякий случай.

— Клара, есть люди, у которых огород больше, чем этот парк. Здесь её точно нет!

Один из пластиковых мешков зашевелился. Сердце бешено заколотилось, и я взвизгнула от страха.

— В чём дело?

Я показала на мешок:

— Вот там, смотри!

Мешок трепетал на ветру, но дело было не в этом. Теперь Оскар тоже увидел. Из груды отходов высунулась остренькая белая мордочка — круглые тёмные ушки, ярко-красные глаза и длиннющие усы.

— Это же... как же они называются? — пробормотал он. — Ну что-то вроде горносталя.

— Домашний хорёк, — ответила я, чувствуя, как меня охватывает февральский холод. — Это хорёк Шанаи...

Я села на корточки перед скамейкой и осторожно протянула руку к хорьку. Тот в ответ открыл пасть и зашипел на меня, показав ряд остреньких зубов. И только сейчас до меня дошло, что в чёрных мусорных пакетах скрываются не только отходы. Из рваной кожаной куртки показалось плечо. Среди молочных пакетов, коробок из-под пиццы и кульков от попкорна появилась голубая джинсовая ткань. А потом я увидела ладонь и бледные пальцы с длинными, покрытыми серебристым лаком ногтями, которые торчали из чёрных кожаных митенок с заклёпками.

Это была Шаная.

— Она что... умерла? — спросил Оскар.

Плюшик озабоченно запищал и ни с того ни с сего яростно залаял на хорька — а может, и на Шаная. Вообще-то он до этого дважды прошёл мимо скамейки, не проявив никакого интереса к куче отходов.

— Не мешай, — строго сказала я хорьку. — Мы хотим ей помочь.

Может, я всё-таки уже настолько стала дикой ведьмой, что он меня понял. Во всяком случае, он был так любезен, что не вцепился зубами мне в руку, когда я стала разгребать мусор и пакеты, чтобы понять, в каком Шаная состоянии.

Она вздохнула.

Глаза её были закрыты, кожа казалось ледяной, но она дышала.

— Она жива! — воскликнула я с облегчением.

Но что же с ней случилось?

